

Интервью с Владимиром Борисовичем ЗВОНОВСКИМ

«4 ФЕВРАЛЯ 1991 ГОДА Я СТАЛ СОЦИОЛОГОМ»

Звоновский В. Б. – окончил Куйбышевский авиационный институт по специальности радиоинженер (1989 г.). Доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и психологии Самарского государственного экономического университета, президент Фонда социальных исследований.

Основные области исследования: методология и методы изучения общественного мнения, электоральные исследования, исследование рынка, региональные проблемы. Интервью состоялось: июнь-сентябрь 2014 г.

Год рождения Владимира Борисовича Звоновского приходится на середину интервала «отведенного» мною для рождения представителей пятого поколения советских/российских социологов. Но, пожалуй, кроме этого в его вхождении в социологию и в характере его работы обнаруживается мало типичного для данной профессионально-возрастной когорты.

Он окончил технический вуз, это достаточно часто наблюдается во втором и третьем поколениях, но для пятого – стало редким. Ранее математиков (в широком толковании) призывали в социологию для анализа проблем измерения и налаживания системы обработки данных, но к началу 1990-х острая необходимость в подобных специалистах пропала. Звоновский пришел в социологию не как «технар», но как социолог, сразу включившийся в анализ социальной тематики.

Эпоха предоставила Звоновскому возможность создавать свой аналитический, исследовательский бизнес. Он рискнул, и время показало, что сделал это обоснованно. К тому же, он не утонул в рутине ежедневных опросов общественного мнения и исследований рынка, а включился в научные исследования и успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Далее, не оставляя полстерского ремесла, он в 2013 году стал доктором социологических наук. Подобное мне известно среди социологов пятого поколения, но, уверен, частым такое сочетание работы в области прикладной и теоретической науки никогда не будет.

Недавно Владимир Звоновский возглавил выпускающую кафедру социологии и психологии в Самарском государственном экономическом университете. Такое единение полстерской, академической и преподавательской деятельности – уникально. Для него открылись новые возможности для постижения природы и путей познания общественного мнения. Не будем торопить, но будем ждать.

Звоновский В. Б.: «4 февраля 1991 года я стал социологом»

Володя, я вижу в нашем разговоре три главные темы: первая, Ваше вхождение в социологию; вторая, Ваша работ и самарская социология и третья, изучение общественного мнения в регионах России. И начнем, как обычно, с начала...

Пожалуйста, расскажите, из какой Вы семьи, насколько далеко Вы знаете ее прошлое?

В этом смысле я совершенно не интересный персонаж. Матушка моя, Афанасьева Алевтина Николаевна, родилась в Оренбурге, в тот недолгий период, когда тот был Чкаловым и вскоре ее родители – железнодорожники – переехали в Куйбышев. Родной дед мой умер еще до моего рождения. Мама с бабушкой жили на нижнем (полуподвальном) этаже деревянного дома в историческом центре (как теперь говорят) Самары. Они занимали одну половину коммунальной квартиры с туалетом на улице и русской печкой на кухне. На второй половине жили Прасковья Петровна и ее брат Федор Петрович Утехины. Когда я родился, муж Прасковьи Петровны уже умер, и они жили вдвоем. Некоторое время моя бабушка была замужем за Федором Петровичем и потому отношения мои с дедом Федей и бабой Паной были семейными. Дед (а обращение всегда было таким жестким – дед, а не дедушка, баба, а не бабушка) собственно во многом и определял мое детское воспитание.

Мама закончила железнодорожный техникум и некоторое время работала на железной дороге, а затем ушла в созданное в 1965 году куйбышевское управление проектно-монтажных работ, занимавшееся монтажом систем связи на производственных стройках – АвтоВАЗ, ТоАЗ в Тольятти, Сызранский Тяжмаш и других, о которых я имел слабые представления. В 1961 году она вышла замуж за Бориса Звоновского, получила от управления куйбышевской дороги однокомнатную квартиру в «хрущевке» недалеко от вокзала. Но молодая семья просуществовала недолго и где-то в 63 или 64 году они расстались, мама оставила фамилию мужа и квартиру. В 1965 году она познакомилась с молодым человеком, имя которого я узнал лишь когда он умер в 1984 году. Отношения были очень романтическими и судя по всему очень страстными, но оформлять браком они их не стали. Мама говорила, что по причине жесткого несогласия родителей моего отца. Своими глазами отца я видел всего несколько раз, матушка тщательно оберегала меня от этих отношений. Хотя и у меня самого какого-то желания узнать об отце почти никогда не было. Как я знаю, у него была семья, и, у меня, вероятно, есть не только братья и сестры, но и племянники. Мама очень тяжело перенесла известие о смерти отца, причем в том же году, когда умерла и моя бабушка.

Бабушкина семья приехала в Самару из-под Мелекесса (ныне – Димитровград), как многие тогда в Поволжье, в результате голода начала 20-х годов. Себя они считали семьей небогатой и даже бедной. Семья деда (моего деда – Утехина Ф. П.), напротив, была из зажиточных. Ее раскулачили, и им пришлось бежать в Мерв, где они, по рассказам деда, буквально побирались на рынках в поисках еды. В 1929 году его призвали в армию, он получил специальность свя-

зиста и служил в Одессе. После демобилизации кем он только не работал, даже в ОГПУ в 1938–39 годах. Он мне говорил еще в советские годы, что ему счастливо удалось уйти из органов живым.

В июне 1941 году он не пошел добровольцем на фронт, продолжая работать в сельхозкооперации. Но в декабре его призвали, а апреле отправили на Южный фронт отвоевывать Харьков. Харьков тогда взяли, но дед в разговоре с политруком обмолвился, что «как-то планомерно фрицы отступают, даже матрацев не оставляют в окопах». Политрук сообщил куда надо и деда отправили в штрафбат. Немцы взяли наступавшую армию в кольцо, захватили во второй раз Харьков и двинулись на Сталинград. Тут на счастье деда формировалась 8-ая воздушная армия и ей нужны были связисты. Рекрутеры приехали в штрафбат, спросили — есть ли связисты, выдали деду документ и уехали. Искать свою часть он должен был самостоятельно. К Волге пришел, когда переправлялась последняя наша баржа на левый берег. На баржу он не успел и тем спасся, поскольку бомбившая переправу немецкая авиация очень легко справлялась с практически незащищенным транспортом. Деда спас хороший навык и страсть к плаванию, которые многие дети на Волге получают с детства, а он еще и закрепил на Черном море во время службы в Красной армии. Войну он закончил в Берлине, краем глаза видел Прагу. И больше с политруками на политические и военные темы не разговаривал.

Бабушка во время войны работала на эвакуированном в Куйбышев авиационном заводе. Сегодня электричка идет от вокзала до завода мимо всего города примерно минут 20–25. Но тогда их возили в телячьих вагонах по степи. Как-то зимой, в 30-градусный мороз поезд встал и простоял несколько часов. Бабушка получила обморожение ног и ее перевели работать на элеватор, который находился в 5 минутах ходьбы от дома. Там она работала до выхода на пенсию. Но денег не хватало и бабушка регулярно подрабатывала то гардеробщицей, то кассиром. Маме также все время приходилось брать дополнительную работу на дом. Когда успевала, еще и шила что-то на заказ.

Тогда я и не мог и не думал сказать, что мы жили бедно. Так жили все, большинство, вероятно, лучше нас, но очень большое число наших земляков, если судить по семьям одноклассников — хуже. Самара тогда была закрытым городом, иностранцев сюда не пускали. Поэтому снабжение предметами первой необходимости, равно второй и последующих, было в основном ведомственным. В Самаре позднесоветского периода было два магазина, которые назывались «мясо» и там иногда, действительно, продавали мясо. В 1984 году я первый раз прилетел в Ленинград и одна из главных вещей, которые меня тогда поразила, это обилие мясных магазинов, а также возможность купить нарезанную колбасу или булку. С 1979 вводятся первые карточки (на масло и колбасу) и уже никогда до 1991 года не отменяются. Поскольку мама работала, я должен был их «отovarивать». В очередях я тогда настоялся на всю жизнь вперед.

Мне многое знакомо.. примерно в таких же условиях проходили мое детство и ранняя юность в Ленинграде, но то было послевоенное время... Вы очень выпукло описали... но добрались до школы... как вспоминаются школьные годы? Что интересовало?

Школа, в которой я учился с 1 по 8 класс, располагалась в нашем дворе. В старших классах я зимой надевал только шапку и шарф, а сходить домой за забытой тетрадью домой или открыть метающемуся по балкону коту форточку, было делом пяти минут. Математика, а потом физика и химия мне были очень интересны, я читал какую-то дополнительную литературу, участвовал в олимпиадах и конференциях, значимых высот не достигал, но особенно по этому поводу не расстраивался — само решение сложных задач было важнее возможных профитов от признания. В 8 классе мы с моим одноклассником стали ходить в вечернюю школу физики, которую вели студенты и преподаватели физфака самарского университета. Это была подготовка к поступлению в университет. Формально они приглашали учеников 8 классов, реально программа этой школы была рассчитана для девятиклассников. Мы не понимали половину, что нам говорили, но боялись сознаться в своем отставании. В какой-то момент наши учителя, вероятно, заметили наши озабоченные лица и несколько упростили курс. Экзамен в той школе мы сдали без блеска, но успешно.

Примерно с 7 или 8-ого класса выработался определенный ритм жизни, который включал в себя обязательно посещение книжных магазинов. Раз в неделю я обходил почти все из них в тогдашнем Куйбышеве, благо их было немного и почти все находились в центре города. Надо сказать, и сегодня я стараюсь более или менее регулярно смотреть на книжные полки, будучи в Москве, Питере или в Самаре. Однако, наиболее ценные для меня тогда книги приносили друзья и знакомые. Ничего запрещенного, всего лишь Лем, Бредбери, Шекли, фантастика, рисовавшая возможные социумы прошлого и будущего. Все это давало смелость видеть иные пути развития и нашего социума.

После 8-ого класса я под влиянием своего одноклассника перешел в школу 63, как тогда говорили, с физико-математическим уклоном. Она располагалась в центре города, недалеко от набережной Волги и до нее нужно было ехать несколько остановок на автобусе. Новые учителя заставляли совершенно по-иному работать в классе и дома. Наша «математичка» устраивала небольшие контрольные работы практически на каждом уроке. Поначалу это убеждало нас в полном незнании предмета (двоек было 80%, остальные — тройки), но затем, доведенные до автоматизма решения задач уже давали основания надеяться, что мы знали материал. Слова учительницы перед экзаменом «вы все выучили, осталось самое легкое — сдать» я усвоил на всю жизнь и действительно, с какого-то момента стал относиться к экзаменам, как к рутине.

Однако, главным для нас человеком в 63-ей школе был для нас учитель физики, народный учитель СССР Николай Иванович Мельников. Ветеран войны, он преподавал физику так основательно, с такой любовью и таким пониманием каждого ученика, что не усвоить ее было практически невозможно. Мы приходили к нему в класс примерно за час до начала первого урока, чтобы решать задачи сверх школьной программы, даже расширенной спецификой школы. Я не заметил этого сам, но, вероятно, заметил это он, что мой интерес к физике со временем угас. На экзамене я собирался отвечать у доски как образцовый ученик, но Николай Иванович подсел ко мне и тихо принял у меня ответ. Как оказалось, не такой уж блестящий. Свои пятерки по всем предметам кроме русского, я получил, но уверенности в том, что мне нужно продолжать карьеру в точных дисциплинах у меня уже не было.

В нашей школе самым престижным считалось поступление в московский физтех, нас туда поехало человек 10, и я был единственный, кто получил двойку на первом же экзамене. В какой-то момент я понял, что забыл, как одно число делится на другое. Это меня сильно расстроило и решение остальных задач пошло «не так». Вернувшись домой, я подал документы на радиотехнический факультет Куйбышевского авиационного института, который и закончил через 6 лет. Мне, как имеющему средний балл 4,5 нужно было сдать два экзамена. Получив две пятерки, я спокойно отправился на пляж догуливать последнее детское лето.

Вы мне этого вопроса не задавали, но я хочу рассказать об одном событии, воспоминания о котором для меня оказались важны в профессиональном плане. Так многие ветераны вспоминают похороны Сталин, а я вспоминаю смерть и похороны Брежнева.

Мы тогда были в выпускном классе и в кабинете нашего классного руководителя – учителя истории и члена обкома профсоюзов области висели два портрета Ильич–1 и Ильич–2. Мы были в классе с ней вдвоем, уже не помню, о чем был разговор, но тут вошла моя одноклассница и трясущимися губами прошептала: «Вера Степановна, Брежнев умер». На что Вера Степановна – вдова и мать военных офицеров, которых в таких случаях вызывали в часть еще до официального сообщения о кончине очередного коммунистического лидера, но без оповещения о том, что, собственно, произошло, – среагировала: «Я так и знала». Портрет Ильича–2 сняли, перевязали черной ленточкой и поставили при входе в школу, даже, помнится, поставили к нему двух пионеров.

На следующий день в школе состоялся траурный митинг. Завуч школы, выступая с трибуны, буквально давила в себе истерику, вытирала слезы и запинаясь от волнения и скорби. И это было совершенно искренне. А на задних рядах мои одноклассники практически смеялись в голос и над почившим старцем, и над скорбящей учительницей, разумеется, столь же искренне. Эта разногласица и разночувственность тогда обратили на себя мое внимание. Ощущение близкого краха советской системы, возникшее где-то в 1979 году, в то время не то, чтобы окрепло: казалось, плотина вот-вот будет прорвана этим смехом заднескамеечников.

Судя по Вашему рассказу, Вы еще застали время комсомолии. Могли бы Вы вспомнить о Вашей общественной деятельности? Было ли Вам интересно этим заниматься?

В том, что касается общественной жизни школы, а затем – института, это было временем полной замены формы содержанием. Не было ни одной формы этой жизни, где жизнь сохранилась бы в самом рудиментарном виде. Мы заполняли формочки, называемые «ленинским комплексным планом», проводили классные часы, посвященные очередным съездам и пленумам, но ничего оттуда вспомнить я не мог уже на следующий день. Однако, в школе, где-то класса, с 6 или 7, я должен был проводить еженедельные политинформации, которые в то время на 95% были посвящены международным делам. Я это делал с удовольствием, поскольку рассуждения о тонкостях отношений между США и Великобританией в условиях фолклендского кризиса были куда интереснее констатации всенародной радости относительно запуска новой доменной печи северной Магнитки. Про обозначенную радость могли прочесть и прослушать по

ТВ большинство одноклассников, а вот особенности международной политики было для моей публики чем-то новым и приподнимало их над повседневностью. Меня самого это заставляло быть в курсе новостей и искать постоянно те новости, которые могли бы привлечь слушателей. Я должен был найти баланс между собственным интересом и вниманием моей аудитории. В какой-то степени пригодились потом, когда нужно было разъяснять клиентам и грантодателям свой выбор темы предлагаемых исследований.

В комсомол я вступил по календарю — 8 февраля 1980 года мне исполнилось 14 лет и мне комсорг класса (самая старшая по возрасту девочка — она вступила в ВЛКСМ первой в классе) принесла бланк заявления. Идеологической позиции у меня тогда не было — пришло время, ты должен стать комсомольцем. Написал заявление, меня спросили про ордена комсомола и приняли. В феврале 1991 года, когда я ушел из конструкторского бюро в социологическую службу при областном совете народных депутатов, я просто не встал на учет. Красная книжка члена ВЛКСМ осталась в моем архиве, равно как и последние продовольственные карточки того же времени.

В то время в Самаре (тогда еще Куйбышеве) возник киноклуб «Ракурс», где кроме демонстрации фильмов, происходило их обсуждение и туда устремлялась местная интеллектуальная тусовка. Первые 10 лет там показывали преимущественно картины, которые были по каким-то причинам запрещены в СССР или прокатывались ограниченным тиражом. Позднее он стал просто местом, где Вы можете увидеть мировые шедевры, или то, что на это звание претендует. Студент, если хотел произвести впечатление на свою девушку, вел ее в Ракурс, а та, если хотела продолжать отношения с этим молодым человеком, вынуждена была ходить вместе с ним и поддерживать разговор о высоком. «Ракурс» не был музеем в том смысле, что там висят «проверенные временем шедевры», он был галереей современного искусства, где показывали фильмы, которые нужно было посмотреть, если ты хочешь быть в курсе культурных событий, но каждый из них мог оказаться мусором.

Во время обучения на первом курсе мы создали дискуссионный клуб Авиационного института, на котором обсуждали литературные и телевизионные произведения, начавшие в то время бурно покидать полки, где пролежали многие годы. Мои товарищи по клубу, учившиеся на старших курсах, скорее всего, брали пример с аналогичного клуба в Куйбышевском университете, которым руководил Евгений Фомич Молевич, но я на этих заседаниях ни разу не был. Каких-то эпохальных открытий и идей наши дискуссии не принесли, но дали навык общения на социально значимые темы, поиска аргументов, и их отстаивания. Уже к 3 или 4 курсу стало очевидно, что необходимость в таких клубах быстро исчезала: социальная жизнь, с одной стороны, вырывалась на улицу и превращалась из дискуссии в действие, а с другой, люди уже общались на уровне города, а не по квартирам или предприятиям и местам учебы. Вскоре этот период назовут митинговой демократией.

22 июня 1988 года в Самаре состоялся первый антимуравьевский митинг (Евгений Муравьев был тогда первым секретарем обкома КПСС). Неожиданно по призыву неизвестной никому инициативной группы, на главную площадь

города пришло (по разным оценкам) от 20 до 70 тысяч человек. Был создан городской дискуссионный клуб «Перестройка», а затем и самарский народный фронт. Я несколько раз ходил на их сходки и митинги, но лишь как слушатель.

Тогда все это казалось пробуждением народа, превращение его в действующего субъекта. Но уже через три месяца собранный этим же людьми митинг милиция разогнала без особых проблем, во многом в силу его малочисленности. Оказалось, что народная энергия плохо запасается и быстро расходуется. И все последующие годы социологам, и мне в частности, часто задавали вопрос — можно ли предсказать народные выступления и их массовость.

Когда весной 1989 года прошли первые в СССР относительно свободные выборы, я стал активно помогать одному из кандидатов доценту авиаинститута Виктору Вильчеку, о котором до его выдвижения ничего не знал. Мы делали номер институтской газеты с его программой и распространяли его. Мне выдали удостоверение доверенного лица, которое у меня висит на стене в кабинете как напоминание о важном в моей жизни решении: после окончания кампании, я дал себе слово, а вернее будет сказать, осознал, что мне никогда не будет интересна собственно политическая жизнь и политическая карьера. Надо сказать, что последующая судьба и деятельность «нашего» кандидата, а, затем, депутата, лишь подтвердили мои намерения.

Как вспоминаются шесть лет студенчества? Что Вас захватывало, к чему душа лежала?

Первые два или три года учебы я прилежно изучал технические дисциплины, положенные по учебному плану и старался пересдать все «четверки» на «пятерки». Но чем дальше, тем больше я понимал, что я серьезно ошибся с выбором профессии: социальные науки, особенно, философия, увлекали меня все больше. У нас сложились хорошие отношения с профессором Робертом Израилевичем Таллером, который впоследствии стал заведующим кафедрой философии в нашем институте, и всерьез стал подумывать о переходе на философский факультет Ленинградского или Московского университета и даже съездил туда, чтобы узнать о возможностях такого перехода. Единственным, но очень важным, результатом этой поездки стало знакомство с Еленой Толчановой — моей будущей женой, учившейся тогда в Ленинградском институте точной механики и оптики.

Разумеется, можно было просто бросить один институт и поступить в другой, но, во-первых, это было бы «потерей» нескольких лет обучения, во-вторых, практически однозначно привело бы к потере еще двух лет, поскольку пришлось отслужить в армии. Долгое время я считал трусостью свою нерешительность: двое моих одноклассников именно под влиянием желания сменить вуз и профессию уходили в армию. Но когда к нам в компанию стали приходить выпускники социологических факультетов, я понял, что образование, полученное в техническом вузе, дает не только хорошее знание математики, но и способность к обобщению и упорядочиванию имеющегося индивидуального знания, гигиену разума, если хотите. Поэтому я остаюсь благодарным и моему вузу, и моим преподавателям, которые искренне хотели, чтобы из меня получился хороший радиоинженер.

И как же и когда Вы все таки прыгнули в социологию?

Случайно. После окончания вуза я отправился по распределению в одно из закрытых конструкторских бюро города. И сразу же стал искать возможность поступить на философский факультет какого-либо столичного вуза. К сожалению, советская власть такое желание не одобряла. Второе высшее (бесплатное, а платного тогда не было) полностью исключалось. Точнее, допускалось лишь для членов партии и по партийной рекомендации. В партию, разумеется, я вступить не мог, а вот рекомендацию получить пытался. Подал заявление, партком рассмотрел и ответил совершенно логично и практично: для производственных нужд ОКБ инженеру Звоновскому В.Б. философское образование не требуется.

Я продолжал общение с Робертом Израилевичем Таллером, но, к сожалению, он не нашел возможности работы на кафедре. Тогда стали появляться социологические лаборатории и попробовал обратиться в две из них. Сначала я встретился с Молевичем, тогдашним светилом местной философской и политологической тусовки. Мэтр выслушал меня и сказал примерно то, что я знал и без него: в современных условиях помочь мне может только случайное стечение обстоятельств. Система советской высшей школы полностью исключало мой переход из инженеров в философы.

Тогда я подумал, что недавно образованная социологическая лаборатория при самарском пединституте не обременена советским габитусом и легче отнесется к настырному технарю-беженцу. В общем так и получилось: ее руководитель Дмитрий Завершинский, выслушав меня, предложил написать эссе про мигрантов в Самаре. «Если оно нам понравится, мы тебя возьмем», – сказал он. Я отправился в библиотеку и стал читать все, что касалось этого, практически несуществующего в советской социологии вопроса. Тогда я впервые познакомился с работами Галины Васильевны Старовойтовой. Не написав никакого связанного текста, но еще более проникнувшись скукой и унынием к инженерной работе, я отказался от мысли принести свои наработки Дмитрию.

Работа в ОКБ тем временем все более превращалась в фарс. Я вышел на работу туда в мае 1989 в период работы первого съезда народных депутатов СССР, когда народ приходил в офисы не работать, а слушать заседания съезда по радио и обсуждать их. Так прошли 1989 и первая половина 1990 года. В осеннем семестре мне даже удалось получить небольшую преподавательскую практику в Авиационном институте, и это был для меня первый педагогический опыт с подготовкой лекций и их чтением. Но с самого начала я знал, что это – временная для меня работа и она должна закончиться через год.

Тем временем из Ленинграда вернулся мой бывший одноклассник, который в свободное время играл в панк-рок группе, и мы с женой иногда приходили на их концерты, после одного из которых я разговорился с их ударником. Оказалось, что сестра жены его брата работает в социологической службе только что избранного областного совета народных депутатов и им нужны люди для участия в проектах. Так, в конце 1990 года я познакомился с Людмилой Нурдиновой и руководителем центра Иваном Беккером. Иван Иванович, который на самом деле был Иваном Иоганесовичем, поскольку был немцем, принял меня на работу и 4 февраля 1991 года я стал социологом.

Офис тогда наш находился в самарском Белом Доме на пятом этаже, в одном коридоре с кабинетом председателя совета областных нардепов Тарховым В. А. А мы могли свободно ходить по кабинетам председателей комитетов и лоббировать исследования по любой теме: от межнациональных отношений до сельского хозяйства. Люди те были, скажем так, разные. Поэтому опыт презентации и продаж собственных исследований у меня сформировался разнообразный.

Весной 1991 года я поработал в настоящей социологической экспедиции в одном из районов Самарской области, где проходил эксперимент с упразднением советов на низовом уровне. Район тот был тогда самым маленьким в регионе, и там просто не было достаточного количества людей, способных участвовать в управлении. Другое исследование я уже проводил сам, и оно было посвящено электоральной активности избирателей Тольятти. Тогда для наших заказчиков большим удивлением стал вывод о том, что абсентеизм явился следствием неактуальности политической жизни города для его избирателей, а не отсутствия достойных кандидатов. Тогда казалось, что активистский подъем перестройки не будет иметь обратной силы.

Мне кажется, Володя, вы с блеском провернули операцию: «Стать социологом!». К 25 годам Вы самостоятельно поставили перед собой такую задачу и успешно ее решили. Напор и немного везения. Пожалуйста, вспомните, как Вы находили необходимую литературу, какие книги, авторы оказали на Вас наибольшее влияние?

Сначала отвечу на Вашу оценку. Иногда мне кажется, что лучше бы эту задачу поставить в 18 лет, поступить в профильный вуз, где можно было бы набирать опыт рядом с практикующими преподавателями. Но потом спохватываюсь, поскольку очень ценю технический склад ума, который формируется в инженерных вузах, критичность к метафизическим заключениям, свойственная для естественных наук и строгость, привитая математикой. Это и сегодня сложно получить в социологических подразделениях российских вузов.

После самостоятельно проведенного исследования в Тольятти, я еще сильнее почувствовал необходимость получить хотя бы какие-то азы социологического образования и навыков. Ведь многое из того, что и как я делал, было сделано, исходя из здравого смысла и с опорой на естественно научные методы. Например, в Тольятти, я провел измерение не только в пяти «аномальных» округах, но и в трех «обычных», принятых за контрольную группу. Это было инстинктивным решением технаря.

И тут в разговоре с коллегами я рассказал о том, какими интересными мне показались исследования Леонида Кесельмана из Петербурга, который представлял их в массовой прессе с научным бэкграундом (его знаменитые «таблицы-решетки»), но изложенными в простой, доступной манере. Директор нашего центра сказала, что она была на какой-то научной конференции, где Леонид Евсеевич выступал, и передала мне его координаты (тогда это были домашний и служебные телефоны). Я позвонил ему, и мы договорились встретиться в мой очередной приезд в Питер. Мы встретились в филиала Института Социологии и говорили в течение нескольких часов, которые произвели на меня сильное

впечатление. Кесельман несомненно обладал тем, что Вебер называл «харизмой», т. е. способность управлять людьми, не обладая никакими властными полномочиями.

У нас с ним на протяжении более 20 лет знакомства практически никогда не было каких-то формально общих проектов. Лишь несколько проектов РГНФ, в которые он приглашал меня, и пара проектов в Самаре — по измерению уровня потребления наркотиков и по изучению отношения к московскому времени, к работе в которых я привлекал Леонида Евсеевича. Но это не мешало мне и моим самарским коллегам поддерживать постоянный контакт с ним и Марией Мацкевич, вносившей в наше профессиональное общение долю осторожного скептицизма, столь нужную в общении с харизматиками, подобными Кесельману.

Тогда, в начале 90-х, революционными мне показался предлагаемый метод сбора данных, но чем дальше я работал в сотрудничестве с Кесельманом, тем больше убеждался, что работа с отдельными признаками и данными была его не менее значимым достижением. Иногда казалось, что он забирал из пары пересечений всю возможную информацию, даже не прибегая к корреляционному или регрессионному анализам, не говоря уже о кластерном или факторном. И делал это не потому, что плохо знал последние, а как раз потому что много работал с ними и не с помощью программных пакетов типа нынешних СПСС или Статистики, а буквально на пальцах и кончике карандаша, рассчитывая все веса и коэффициенты вручную.

К сожалению, в 2004 году Кесельман уехал из России, но последующие события показали, что это добавило ему несколько лет жизни. С другой стороны, для него профессия была жизнью и утрата возможности вести реальные полевые исследования очень угнетала его. Он пытался как-то обобщить собранные за все время измерений данные, но был вынужден отвлекаться как на политические события в России, так и на свои бытовые неурядицы, нараставшие по мере ухудшения здоровья его и его жены. Две последние поездки в Россию в конце 2012—начале 2013 уже совсем подкосили здоровье Леонида Евсеевича. Но до самого последнего нашего разговора за день до кончины, он оставался неисправимым оптимистом, внушал веру, что мы вернемся к совместной работе, хотя, как я сейчас понимаю, знал, что этого уже не произойдет.

Размышляя над ответом на Ваш последний вопрос, я подхожу к книжной полке. Для меня главными были и остаются две группы книг: социологическая классика и книги по методологии исследований. Глядя на полку, могу сказать, что на заре моей профессиональной деятельности, с первым было плохо, но сегодня почти все переведено и опубликовано на русском языке. Второе до сих пор остается крайне ограниченным ресурсом.

Читая книги, я не делаю в них пометок и подчеркиваний, а записываю свои соображения на закладках, которые как раз в момент начала моей социологической деятельности стали делать с клеевым слоем. Если судить по числу этих закладок, то наибольшее влияние на меня оказали Бергер и Лукман, чье «Конструирование социальной реальности» было впервые опубликовано на русском в 1995 году, «Статьи по социологии» 1993 года Юрия Левады и «Город» Макса Вебера. Ну и Кокрен, конечно!

«Находить» литературу нашему поколению уже было в целом не нужно, нужно было находить время для ее чтения, ну и, а со временем и деньги на их покупку. И сегодня к стыду своему, имея прекрасную профессиональную библиотеку, я прочитал не более трети из этих книг.

Несколько раз мне удавалось поработать в библиотеке «шанинки», куда меня в свое время направил Павел Романов. С болью я узнал позавчера о его кончине. Он был не просто один из самых профессиональных социологов России, но и человеком, который помогал мне в моем академическом становлении. Он был замечательным человеком и добрым товарищем. Очень жаль, что его жизнь оборвалась так быстро.

Другим признаком, отражающим мой читательский интерес, можно назвать практические следствия, т.е. исследования, которые были проведены под влиянием того или иного автора. Тут следует назвать «Доверие» Френсиса Фукуямы, «Социология пространства» Александра Филиппова и Александра Ахиезера с его концепцией двух систем ценностей в российском массовом сознании. Так или иначе я использовал их концепции в своих исследованиях.

К методологическим источникам своего бэкграунда я должен отнести, помимо упомянутого Кокрена, учебник Владимира Александровича Ядова, двухтомный сборник с описанием различных методов, среди авторов был мой нынешний интервьюер. Со временем у меня появилось «Sample survey» Л. Киша.

Прежде всего, Володя, попрошу Вас рассказать подробнее о Вашем общении с Павлом Романовым. Что позволило Вам отметить его помощь в Вашем академическом становлении?

С Павлом у меня связаны воспоминания о моей защите кандидатской диссертации. Я готовил диссертацию в Социологическом институте РАН в Петербурге под руководством Бориса Максимовича Фирсова, но в тот момент Борис Максимович уже был ректором Европейского Университета, а в институте возникла ситуация какой-то неопределенности формального характера с диссертационным советом, т.е. он вроде был, но проводить защиты не мог. А я с защитой тянуть уже не хотел – незащищенная (но уже написанная) диссертация подобна не сданному клиенту проекту. И тут я узнал, что в Саратовском техническом университете, где есть сильный и активно работающий совет, работает мой земляк и добрый знакомый Павел Романов. Я отправил ему текст диссертации и спросил – интересна ли такая работа их диссертационному совету. Он ответил положительно, отметив то, в чем следует ее доработать, и мы быстро двинулись к цели. В 2000-м мы с ним начали финализировать текст, а в мае 2001-ого я защитился.

Павел меня направлял именно с точки зрения академической строгости текста, аргументов и выводов диссертации. Для меня все эти теоретические заморочки казались мешающими простоте и ясности изложения моих идей, но он делал понятными мне эти требования. Не могу сказать, что я перестал считать заморочки заморочками, но Павел меня научил легко переходить с сочного языка прикладных исследований на сухой язык теории и обратно. Когда я работал над докторской диссертацией, содержащей уже существенную теоретическую часть, это мне очень пригодились. И конечно, не могу не сказать о Елене Ростиславовне Ярской-Смирновой – жене Павла. Она создавала очень добрую атмосферу

нашего профессионального общения. Ее замечания и предложения помогали справиться с казавшейся мне поначалу тяжелой и требующей большого времени работой легко и быстро.

Затем мы встречались с Павлом на разного рода конгрессах и съездах, несколько раз он приезжал к нам домой и в офис, когда бывал в Самаре. Наше общение не было интенсивным, но оно всегда было добрым и искренним. Он был и самостоятельным очень сильным ученым, и качественным учителем и наставником. Когда они с Еленой работали в Саратове, из их кафедрального гнезда вышло много молодых социологов, владеющих современной техникой исследований и вкусом, интересом к самому процессу исследования.

Вы уже четверть века изучаете общественное мнение. Очень большой срок. Как за эти годы изменилась природа общественного мнения в России и какие изменения произошли в Вашем понимании этой формы массового сознания?

Тут надо сказать две вещи. Прежде всего, выразить согласие с этой формулировкой. Общественное мнение – форма массового сознания. Вторая мысль – российское общественное мнение движется в сторону от мнения, т.е. более или менее сложившейся системы представлений и идей, в сторону к массовому сознанию – система неустойчивых сочетаний эмоций и действий, часто лишенных вербального выражения.

Природа и формы общественного мнения волнуют социологов постольку, поскольку существовали социологические теории о том, что оно является одним из важных факторов социального поведения. Иначе говоря, то, что люди думают о себе и окружающих, влияет на их поведение. При всей очевидности этого тезиса, противоположный ему – на поведение людей влияют лишь их непосредственные хозяйственные интересы – представляется все же куда более очевидным. Так, несмотря на то, что голос отдельного избирателя не имеет сколько-нибудь значимого воздействия на итог голосования в большой стране, люди приходят на избирательные участки, теряя на это свое время, отрываясь от своих повседневных занятий. Делают они это, вероятно, от того, что политическая элита общества убедила их в том, что участие каждого гражданина важно.

Именно это предположение проверял Лазерсфельд в своем исследовании Мидлтауна, где показал, что установка общественного мнения сначала получает поддержку среди политической, административной, информационной и бизнес элиты общества, а затем уже проникает в большинство социальных групп. Но для того, чтобы эта установка передавалась от одной группы к другой, представители этих групп должны разговаривать на одном языке, иметь одну лексику и сходные навыки общения, знания, социально значимые события в своей памяти и аргументацию. Наконец, они должны иметь место и время для таких обменов, а также возможность формировать свою точку зрения, ее менять, и право ошибаться. Ну и соответственно, нести ответственность за такую ошибку.

К сожалению, в нашей стране все эти возможности, скорее, утрачиваются, чем расширяются. Мои коллеги, которые активно проводят фокус-группы в разных регионах страны и на разные темы, никоим образом с политикой не связанными, замечают, что люди утрачивают возможность легко выражать свои мысли в словах. Т.е. для того, чтобы этот процесс запустить, модераторам приходится прилагать какие-то усилия, чтобы лексика и формы мысли респондентов

в отношении общих для них условий повседневной жизни начинали совпадать. Мне, как редко практикующему модератору, с этим приходится сталкиваться реже, но я наблюдаю примерно тот же процесс: россияне сегодня испытывают затруднения при использовании различных терминов, понятий, сама дискуссия для них является не формой выражения мысли и достижения общего понимания для направления движения вперед, а лишь способом заявить о себе, и, соответственно, не требует поиска общих смыслов.

С таким общественным мнением можно очень технологично работать, подбрасывая новые термины, которые носят сиюминутный характер и исчезают сразу же после перехода к следующей теме. Вот, например, сейчас практически не используется термин «кошунницы», хотя год или два назад они были очень модными. Термин не закрепился, не задержался, вероятно, потому, что был ad hoc к конкретному политическому случаю, требовавшему общественного осуждения. Глубоких попыток осмыслить понятие кошунницы, вписать его в более широкий контекст общественного мнения не было. То же самое с термином «фашисты», активно используемое в отношении политически недружественных сил на Украине и в России. Полагаю, что оно тоже утратит смысл и уйдет в небытие в том смысле, в котором он используется ныне.

В современной России прослойка политической элиты очень узка, значимые места общественной дискуссии элиминированы («парламент не место для дискуссий»), обмен мнениями по общественно значимым темам уже является политической деятельностью и сразу же подлежит регламентации со стороны государства, а нередко и подавлению. Сегодня даже обсуждение устройства двора или придомовой территории в городе может быть воспринято как политическая деятельность. Отдельные люди и целые социальные группы стараются не произносить ненужных слов, которые могут привлечь ненужное внимание. В результате лексика общественной дискуссии обедняется, общественное мнение становится немым и в своих действиях опирается не на мнения различных социальных групп и отдельных персон, а на стихийное и непроизвольное поведение под управлением простых человеческих чувств или эмоций: радости, сопереживаний, ненависти, гнева.

Но опросы общественного мнения — это не только выборка и организация сбора данных. Это прежде всего реализация определенной трактовки природы общественного мнения, его генезиса, механизмов функционирования. Нашли ли Вы в существовавшей в начале 90-х литературе нечто созвучное Вашему видению этого феномена?

Здесь моя точка зрения находится под влиянием Леонида Евсеевича Кесельмана с его теорией социального сознания как формы силового поля, в котором находятся индивиды, и их сознание лишь обнаруживает в себе, реализует установки, характерные для социального сознания в целом.

Другое дело, что в начале 90-х мы считали, что со временем темный люд российских окраин отряхнет с себя «совок», и вот-вот настанет час, «когда мужик не Блюхера, и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесет». Когда ценности, разделяемые узким слоем столичных элит, проникнут в толщу советского общества. Надо сказать, мы имели наглядные подтверждения этому процессу не только в итогах выборов и референдумов, но и в результатах раз-

личных опросов. Например, исследования Владимира Самуиловича Магуна о революции притязаний российской молодежи, проекты Института сравнительных исследований трудовых о трансформации производственных отношений на российских предприятиях и других.

Однако, столкнувшись с реальностью конкуренции и ограничениями собственных возможностей, большинство социальных групп довольно быстро согласилось с тем, что их благосостояние и жизнь в целом определяются внешними обстоятельствами, а не их собственной деятельностью. После 2000 года в этом же их стала убеждать и власть усилиями СМИ и в первую очередь, телевидения. Революция притязаний обернулась контрреволюцией. Бизнесы и вывод их акций на международные биржи как признак венца деловой карьеры сменились дворцами и шубохранилищами. Очевидно, что такой социальной структуре общественное мнение не очень нужно, точнее, оно перестает быть необходимой для воспроизводства существующего в России общества.

Сегодня в России нет потребности для существования общественного мнения как социального института, если оно и существует, то на птичьих правах, или требует постоянной поддержки. Примерно как с телеканалом «Дождь». Его функционирование требуется для очень небольшой социальной группы, но этого явно недостаточно для его функционирования как бизнес-единицы.

Если вернуться к Вашему вопросу, то среди литературы, прежде всего (именно по времени, а не по влиянию), следует упомянуть «Открытие спирали молчания» Ноэль-Нойман, «Психология толпы» Г.Лебона и «Век толп» Московичи. Лишь в 2004 году ФОМ перевел и опубликовал полностью «Общественное мнение» Уолтера Липманна. Лазерсфельд со своим Мидлтауном не переведен до сих пор. Не могу сказать, что мнение этих авторов и содержание их работ я разделяю. Скорее, напротив. Собственно, сам набор публикаций говорит о том, что общественное мнение либо сводится к психологическому феномену толпы, либо шельмуется как результат манипулятивных практик (см., например, «Делать мнение» Шампаня или «Уши машут ослом» Матвейчева). Но факт остается фактом — сегодня мы имеем скорее неустойчивые формы массового сознания, а не установки общественного мнения. Поэтому и потребности в анализе последнего невелики и исчерпываются двумя указанными формами.

А какой теме была посвящена Ваша кандидатская, что удалось показать?

Диссертация моя имела сложное происхождение. Когда мы ее задумывали с Борисом Максимовичем Фирсовым, она должна была быть сфокусирована на проблеме регионального измерения процессов, которые, как нам тогда казалось, начинались в нашей стране. Мы считали, что широкая поддержка реформ в российских столицах, среди образованной и статусной публики будет распространяться вглубь общества: к менее образованным, менее статусным, в менее крупные населенные пункты, в провинцию. Предполагалось, что мы и замерим этот процесс. Такая почти домашняя студенческая работа. Это был 1992 год. Когда был готов первый вариант текста, было очевидно, что развитие нашего общества идет в каком-то ином направлении, реформы приобретают причудливый вид и население как-то странно на них реагирует. Поэтому было решено сменить

фокус и остановиться на теме устойчивых паттернов провинциального сознания и поведения: что формирует провинцию, какие формы массового сознания там доминируют, в чем специфика российской провинции и провинциальности.

Главным итогом своей работы я считаю описание процесса формирования провинции как совокупности социальных институтов, утверждающих, поощряющих и воспроизводящих особость данной провинции. Сравнительно легко это дается этнически однородным внутри и разнородным с метрополией регионам. За пределами этнических территорий российская провинция отличается как раз слабой дифференцированностью регионов. Почти все они были сформированы российским государством из почти всегда нерасчлененного пространства и усилиями этого государства оно удерживалось. Россия была почти крупнейшим в мире производителем пространства для своего населения, что было особенно важно для крестьян, для которых земля была средством производства.

Государство по мере формирования на новых территориях упорядоченного социального ландшафта (городов, дорог, мостов и пр. транспортной инфраструктуры) создавало новые формы общественной жизни, казавшиеся местному, в основном крестьянскому люду, чуждыми и ненужными. Города и городской образ жизни еще в 19 веке были для российских крестьян чужеродными и непонятными. Но именно с их помощью государственная машина собиралась и реально управляла жизнью провинций. И как только эта машина давала слабину провинциям удавалось концентрировать в руках своих элит значительные ресурсы, которые направлялись на поддержание местных социальных институтов, производивших символы местной особости и уникальности – вузы, особенно, экономические и юридические, СМИ, особенно, газеты и телевидение и местные партии.

Все эти идеи и мысли не были новыми, в разных контекстах и у разных авторов их можно было легко найти и прочитать и раньше и сейчас. Мне лишь нужно было описать это в социологической лексике, но, главное, проверить выдвинутые гипотезы на доступном эмпирическом материале. Собственно, эту верификацию я и считаю главным достоинством своей работы.

На какой фазе исследования (программа, показатели, интерпретация...?) и как концепция Кесельмана особенно остро проявляется? Другими словами, чем такое исследование отличается от тех, авторы которых не знают или не учитывают влияние «силового поля»?

Прежде всего, в двух словах представлю эту концепцию. Поведение и мнение отдельных людей находится не только под влиянием их индивидуального разума, эмоций или рассудка, но и определенных, характерных для данной социальной группы, к которой этот индивид принадлежит (считает, что принадлежит), мнений и диспозиций к действию. На индивидуальном уровне мы конечно уникальны и никакими интервью и тестами до глубины человеческой не докопаться, но там, где человек вступает во взаимодействие, он попадает под управление социально значимых регуляторов своего поведения: произносит слова, понятные для своего окружения, делает примерно то, что от него ожидают окружающие, etc. И вот эти регуляторы, факторы, влияющие на социальное поведение и массовое сознание Кесельман и называл «силовыми полями»: индивид волен поступать так или иначе, думать не так, как другие представители

его группы, но лишь в определенных рамках, силовые поля позволяют ему иметь свободу лишь внутри этих силовых полей. Так вот с теоретической точки зрения это положение разделяет любой, называющий себя социологом, но на практике это оказывается не так. Согласно Кесельману, социологический инструмент тоже должен быть сформирован таким образом, чтобы выявить эти силовые поля, что, в свою очередь, предполагает: (1) существенное отличие того, о чем социолог спрашивает у отдельного респондента, и ответ большой социальной группы в целом, и (2) понимание, а, значит, и интерпретация социологом полученного ответа.

Первое я студентам демонстрирую на паре простейших вопросов, которые мы задаем почти в каждом нашем опросе. Сначала мы спрашиваем, как изменилось материальное положение респондента, в другом – как, по его мнению, изменилось благополучие большинства жителей города. Если наша выборка репрезентирует население этого города, то распределение ответа на первый вопрос и представляет собой ответ на второй. Но всегда ответ на второй вопрос отличается от ответа на первый. Специалисты-методисты сразу укажут несколько причин такого рассогласования: например, в первом случае мы спрашивали личное мнение, во втором – экспертное: наглядная демонстрация справедливости утверждения «общее не есть сумма частных», которое любил повторять Кесельман.

Разумеется, этому различию может быть множество объяснений, но все они предполагают одно – люди имеют мнение о самих себе в отдельности отличное от мнения о самих себе как большой социальной группе. Если бы социологи в реальности разделили бы постулат о силовых полях, они бы, по крайней мере, формировали соответствующий инструмент, позволяющий эти поля обнаруживать.

Вторым важным признаком отказа от концепции «силовых полей» стала открытая и пафосная институционализация этого отказа: отныне собирающий данные не должен интерпретировать результат. Теперь «полстеры» отделяются от «социологов». И Александр Ослон и Валерий Федоров публично и несколько раз буквально поклялись не интерпретировать полученные результаты опросов, особенно, если это касается общественно значимой тематики. Выступая в Европейском университете в Санкт-Петербурге, В.Федоров подчеркнуто уходил от ответов на вопросы о значении тех или иных распределений мнений на вопросы ВЦИОМ, ссылаясь на то, что он лишь полстер, и указывал на социологов как на специалистов, способных адекватно интерпретировать ответы, собранные полстерами.

Ответ социологов не заставил себя ждать, т.е. их (ответов и социологов) много, я просто возьму сегодняшней. Сегодня – 25 августа, Элла Панеях на сайте inliberty.ru опубликовала статью «Русский опрос», где она с «нормальных позиций» критикует технику опросов. «Дискуссии о валидности социологических данных, собранных в режиме политической несвободы, в частности об «авторитарном рейтинге», идут довольно давно, и стали уже практически общим местом» пишет Панеях. Как говорится – «какая новость?!». Казалось бы, прикладная социология вроде как не первый день работает в авторитарных системах и уже разработала и успешно применяет техники повышения валидности собираемых там данных (например, ICT), но автор, считающий себя профессиональным социологом, не знает о них. Иначе говоря, социологи не знают как вести разговор

с респондентом на чувствительные для него темы и ничего не могут предложить полстерам. В результате полстер собирает какие-то данные и отказывается интерпретировать их, а социолог и не собирается их интерпретировать, он вообще объявляет собранные данные невалидными. Они как бы не знают, что существуют силовые поля, которые не только заставляют респондента вести себя так, как он считает возможным и допустимым для себя в ситуации опроса, но и делают вид, что не существует инструментов для измерения этих полей здесь и сейчас.

Кесельман часто говорил, что на словах социологи согласны с идеей «силового поля», но в реальности часто уклоняются от его использования. Сегодня это уклонение почти официально признано и возведено в абсолют.

Володя, мне нравится Ваш изложение темы силовых полей и поиск разделительной линии между социологами и полстерами. Но мне представляется, здесь следует говорить об интерпретации как процессе, а само изучение общественного мнения трактовать не только как замер установок, но и как элемент какой-то, скажем, академической программы. Поясню примером, ну не может американская полстерская организация, т.е фабрика по сбору информации, осмыслять полученные данные больше, чем несколько часов. Иначе они никому не нужны. Как быть с более глубоким анализом? Передавать «академикам?» Но это можно, только если академики участвовали в создании измерительного инструмента. И потом, полстеры вынуждены использовать несколько вопросов и короткую «паспортичку», для академиков это не подходит. Что скажете?

Да кто бы спорил, Борис Зусманович!? Разумеется, изучение общественного мнения не может заканчиваться публикацией таблиц-решеток с кросстабами, или пресс-конференцией, где полстеры торжественно отказываются от объяснения полученных цифр. Но в российской реальности, дело сегодня обстоит именно таким образом. В силу разных причин — и политических, и экономических. После 2008 года, ФОМ, как известно, распустил свой методологический отдел, где социологи анализировали содержательные последствия использования сложившихся методологических практик. ВЦИОМ к этому вопросу иногда возвращается, но, чаще всего, факультативно, с помощью сторонних специалистов и, как мне кажется, скорее, по инициативе последних.

Сегодня у полстеров в России заказчик примерно один, а он не заинтересован в точности измерений. У нынешней российской власти система коммуникаций с обществом выстроена именно под имеющийся стандарт измерений общественного мнения. Поэтому российские полстеры никак не перейдут, например, на телефонные опросы. Это — фабрики, такие Макдональдсы, где стандарт воспроизводства данных важнее точности этих данных. Это не хорошо и не плохо, это — реальность рынка, под которым нужно понимать и хозяйственные условия, дефицит рабочей силы на этом рынке, и политический аспект, состоящий в монопольности заказчика и отсутствии конкуренции за новые знания о социально значимом поведении россиян.

Вообще, смешно, конечно, когда данные ВЦИОМа сверяют с результатами ФОМа или Левада-центра. У них всех — один принцип сбора данных, импортированный в СССР в 80-х годах прошлого века и не модифицированный до сегодняшнего дня, более, чем схожая выборка, и на 60% совпадающая региональная сеть. Откуда взяться различиям?!

Но «академики» не лучше. А честнее сказать — хуже. Все эти критики полстеров чаще всего не построили ни одной выборки и знают о социальной структуре российского населения в лучшем случае из книжек Заславской. Из видов анализа данных они различают лишь кластерный и факторный. Они сочиняют довольно странный инструмент и раздают полевые задания в первые попавшиеся регионы сомнительным людям, которые за небольшие деньги обещают им прислать заполненные анкеты. Они не имеют представлений об инструкциях для полевых менеджеров, интервьюеров, не проводят контроля поля. Это — очень умные люди, поэтому они не хотят думать о том, как в поле собираются данные.

На ежегодных сессиях Ассоциации региональных социологических центров мои коллеги часто сетуют на то, что за последние 30 лет академические социологи не опубликовали (книжкой или в профессиональных журналах) ни одного(!) текста, посвященного методам сбора и обработки данных, обобщающего российский опыт опросов. Если такие тексты и появляются, то они касаются каких-то отдельных тем и групп населения, но не опросов, репрезентирующих население всей страны. «Академики» — отрезанный ломоть, их вклад в сегодняшние измерения российского общественного мнения ничтожен.

Исключение, разумеется, есть, но они, чаще всего, касаются, исследователей, специализирующихся на каких-то отдельных темах или регионах и чьи программы не критичны в отношении выборки и не требуют больших полей.

Это — плохо для нашей индустрии, и я пока не вижу выхода. Очевидно, что ситуация будет меняться, если начнутся политические изменения в стране, но я не уверен, что она будет меняться в правильном направлении. Пример «народной социологии» того же Навального заразителен, но методологически бесплоден.

И я бы не сравнивал российскую индустрию измерений с американской. Да, согласен — там специализация полстеров и академиков еще выше. Более того, эта сегрегация там защищается почти на законодательном уровне, когда компания, собирающая данные общенациональных опросов, имеет права не раскрывать собственному клиенту характеристики выборки. Но в то же время и у ведущих полстеров — тех же Pew и Gallup есть свои или приглашенные специалисты, которые интерпретируют результаты (пусть нерегулярно, но публично) и есть исследование National Election Study, проводимое в Ann Arbor, когда условные «академики» ведут вполне себе полстерский проект.

В американской социологии «академики» — не отрезанный ломоть, там эти два сосуда сообщаются, весьма регулярно и я бы сказал на институциональном уровне. Но если мы обратимся к украинскому примеру, то можем легко распознать фигуру Паниотто, который и полстер, и «академик» до мозга костей. В Украине связь между этими двумя сосудами реализована на индивидуальном уровне. Результат — там активно развиваются различные виды сбора данных в общенациональных опросах, есть интерпретация и успехов, и провалов полстерских измерений.

Вообще, нам еще придется долго обсуждать природу, философию возникновения опросов общественного мнения в СССР и отголоски этого, которые мы и наблюдаем сейчас. Грушин был полстером и социологом, сначала философом, потом — журналистом затем полстером-социологом. Уледов не занимался опросами. Фирсов, Тощенко проводили массу опросов, но оставались скорее социологами, чем

полстерами. О Леваде, Заславской, которые в значительной мере формировали лицо современной практики изучения общественного мнения, и говорить не приходится: они — академические аналитики. В США все было иначе. Из первопроходцев: Гэллапа, Роупера, Кроссли и Кэнтрила лишь последний был университетским ученым, но он лишь в малой степени был полстером: он — аналитик и консультант президента Рузвельта. Гэллап имел Ph.D. по психологии и до того, как начал опросы, читал в университетах множество курсов по журналистике и читаемости прессы, а потом исследовал эффективность рекламы.

Да, про Леваду я забыл сказать.

Статьи Юрия Александровича в журнале его компании были лучшим примером того, как полстерские данные могут быть использованы во вполне академических статьях. Не знаю, как было на самом деле, но мне кажется, что Юрий Александрович не участвовал в формировании инструмента, или участвовал минимально. Он брал то, что было у него в распоряжении: любая фабрика опросов генерирует бездны информации, и Левада демонстрировал, что даже без специальных методов статистического анализа данных, на одних кросстабах, можно формировать гипотезы и обосновывать их. И делал это превосходно.

Российский путь — соединение полстерской и академической линий — очень долгий процесс, и многое в его успехе будет определяться именно исследователями общественного мнения, так как — со временем — деньги могут быть у них, «большая наука» — бедна. Что скажете?

«Большая наука» бедна не деньгами, а идеями. Идеями, которые могли бы что-то принести исследовательскому рынку. То есть я понимаю, что академикам сложно найти клиента на рынке собственно исследований, но они вполне могли бы найти спрос среди тех же полстеров или компаний, проводящих маркетинговые исследования. Единственным местом, где связь между исследователями общественного мнения и рынка, с одной стороны, и «академиками» налажена, это — образование. Хотя здесь потребитель в лице ресёрчерских компаний — в безвыходном положении. Но даже Вышка сегодня готовит полуфабрикат и его отличие от такого же полуфабриката производства, например, Самарского университета, состоит в том, что первый считает себя профессионалом, хотя таковым не является.

Если рассуждать с точки зрения бизнеса, то сегодня для старта всероссийского проекта с иным подходом к выборке, методу сбору информации и принципам формирования инструмента нужно около 10 млн. рублей, или менее USD300 000 в год. Но проблема не столько в средствах, сколько в том, что нужны обстоятельства, объекты, на которых новации проявят себя, а их нет. Все, что мы можем делать, это — готовится к тому дню, когда модернизация будет востребована. Но это будет днем, когда реальная измерительная социология уйдет от академической настолько далеко, что вторая уже никогда не догонит первую.

И это касается не только количественных исследований, но и качественных. Вот я только что вернулся из экспедиции, организованной ВЦИОМ в Сочи. Методологическое руководство у нас осуществлял Илья Штейнберг — один из авторов книжки по качественным методам, сподвижник Теодора Шанина. Я могу назвать еще 5—7 человек в российской социологии, которые знают, что такое

социологическая экспедиция и в состоянии ее организовать, провести и составить отчет. Кто из них преподает в вузе и может передать свои знания и опыт студентам? В лучшем случае — половина.

Тех, кто может и умеет что-то делать, очень мало, они все разобраны по компаниям и проектам. Хорошо, если им удастся иногда оторваться от рутины (конвейера исследований) и написать книжку, прочитать курс, провести летнюю школу для студентов и слушателей.

У нас в профессии все очень хорошо, если Вы заняли свое место и умеете делать свое дело, но если Вы хотите чему-нибудь научиться, а сами знаете и умеете мало, то дело Ваше плохо. Даст Бог — Вам повезет с местом стажировки или преподавателем, и Вы наберетесь каких-то знаний в стенах вуза, но пока — выход один — в поле.

Я предполагал спросить Вас об Ассоциации региональных социологических центров, сейчас это логично? Каковы ее функции и реальные возможности?

Ассоциация создана в 2000 году. Иногда меня и Фонд социальных исследований относят к ее основателям, но это не так. На первый съезд в Петербурге меня приглашала Нелли Романович, но я и не мог по каким-то причинам поехать, и скептически относился к самой идее. А вот на второй съезд в Ярославле я уже приехал и с тех пор пока не пропустил ни одного, поскольку сразу почувствовал пользу от таких собраний коллег по профессии и товарищей по оружию, которых многое что объединяет. В этом году в Саратове прошел 21 съезд, сегодня в Ассоциации почти 25 компаний из российских регионов.

Первоначально предполагалось, что компании будут объединять совместные коммерческие проекты, результаты которых можно будет продавать клиентам. Затем к Ассоциации проявили интерес сетевые агентства, полагавшие таким образом расширить свои региональные возможности, а затем продать их транснациональным исследовательским группам. Долгое время мы просто собирались и обсуждали собственные проблемы — внутрикорпоративные (как вести бизнес, как строить отношения с сотрудниками и интервьюерами) и отраслевые — как привлекать клиентов, продвигать свой бизнес в регионе и стране в целом.

Переломным для меня оказался съезд 2004 года в Казани, где нас принимала компания ЦАИР, руководитель которой — Александр Салагаев столь безвременно от нас ушел этим летом. Там мы уже сделали полноценную конференцию, где были доклады по отдельным проектам, проведенным компаниями-членами Ассоциации. Хотя среди этих докладов доминировали проекты по изучению собственного рынка, это было именно обсуждение докладов, а не сиделки и разговоры за жизнь. Примерно в это же время Ассоциация запускает ряд инфраструктурных проектов — Рейтинг исследовательских компаний и Мониторинг цен на различные виды исследований в регионах. Последние годы к ним добавился проект по исследованию интервьюеров, работающих в наших компаниях, что также помогает нам лучше взаимодействовать с нашими внештатными сотрудниками.

Со временем мы стали чувствовать, что к Ассоциации начинают прислушиваться. Не в смысле — делать так, как она говорит, а, скорее, интересоваться, что там обсуждается и нельзя ли повлиять на принимаемые решения. Мы сами никогда не стремились загнать в свои ряды новых членов или как-то жестко

влиять на рынок. Мы принимали решения в своих интересах и для себя, но вскоре увидели, что многие следуют этим решениям и хотели бы влиять на них, пусть и за пределами Ассоциации. По этой причине перед последним съездом даже разгорелась жаркая дискуссия – есть ли необходимость в особом статусе гостя съезда, т.е. компании или персоны, который не имеет цели вступить в Ассоциацию, но хотел бы принять участие, послушать или выступить на съезде. Сегодня в повестке дня – разработка отраслевых стандартов – образовательного (что должен уметь выпускник социологического факультета) и рабочего (что должны знать и уметь специалисты, занимающие различные должности внутри наших компаний). Этот проект мы реализуем вместе с тем, что раньше называлось социологический факультет ВШЭ.

Нам удалось преодолеть множество кризисов внутри Ассоциации и особенно кризис выгорания, когда «старые» члены Ассоциации, устав от взятых на себя обязательств, уходят, а «новые» не готовы их брать на себя. Сегодня есть и ротация таких активистов, и разделение труда между ними в зависимости от желания и возможностей. Я думаю, что через 5–7 лет Ассоциация будет объединять большинство устойчиво работающих региональных исследовательских и смежных с ними компаний.

Вы только сейчас упомянули Фонд социальных исследований, хотя, мне кажется, я слышал о нем еще в 1992–1993 годах. Или это нет так? В любом случае он существует уже очень давно. Пожалуйста, расскажите о Фонде, его становлении и направленности его текущей работы.

Нет, Борис Зусманович, в 92 вряд ли, мы создали Фонд весной 93-ого. В 1991 году я пришел в социологический центр, когда там работали Сергей Вершина и Людмила Нурдинова. Некоторое время я набирался опыта реальных исследований у них и других коллег, но уже в конце 92-ого работать там стало невозможно по причине совершенно разного отношения к тому, что мы делаем, с руководством того центра. Дело было не в политике, а в отношении к делу. Нам казалось, что мы должны инвестировать в новые, инициативные проекты, начальство считало, что мы должны работать строго в рамках выделенных смет и бюджетов. При этом эти сметы и бюджеты они утверждали по какой-то неведомой нам схеме.

Когда ребята вернулись из длительного обучения менеджменту из Германии, а я на практике в Самаре усвоил кесельмановский метод, мы решили выйти в открытое море: нашли подвал в ПТУ, где готовили водителей трамваев, купили ДСП, обои, привезли из своих квартир старые столы и стулья и начали работать самостоятельно. Тут надо сказать, что одним из главных стимулов к самостоятельности, стали компьютеры, полученные нами от Фонда Сороса. Если в прежнем центре у нас был один чахлый комп, то на соросовские денежки мы купили целых три и один из них был с цветным монитором.

Каждый проект был как любимый ребенок, каждый рубль трудовым. Основная ставка была на собственные проекты полного цикла, поскольку московские компании предпочитали старую гвардию. Поэтому мы особенно благодарны тем, кто работал с нами с самого начала – прежде всего, Комкон и Фонд

«Общественное мнение». Благодаря Комкону мы освоили технику организации и проведения холл-тестов и фокус-групп, ФОМ стал нашим тренером по части проведения опросов на выходе.

В 1996 году мы уже были крупной компанией, которая проводила опросы по всей области и презентовала результаты клиентам и широкому зрителю. С 1995 года к нам стали приходить маркетинговые проекты полного цикла. После 2000 года они стали главным источником благосостояния компании. Тогда же мы переехали в собственный офис, который спроектировали и обустроили сами до последней розетки и дверной ручки. В какой-то момент нам казалось, что нам нужны новые площади для размещения персонала, но взвесив все «за» и «против», решили, что благоразумнее будет оптимизировать его численность и избавиться от некоторых функций и их носителей. Это было в начале 2008 года. Так мы подготовились к кризису за несколько месяцев до его начала.

В 2007 году под дружеским давлением нашего ярославского коллеги Романа Оглоблина мы создали call-center, который сегодня приносит каждый третий рубль Фонду, компенсируя уход в небытие опросов по месту жительства. Другими важными направлениями работы являются проведение холл-тестов и фокус-групп. При моей склонности к методологическим проектам мы стремимся использовать разнообразные методы сбора данных и сравнивать их результаты. Это и эксперименты, и панельные исследования, онлайн-опросы и онлайн-сообщества.

В 2013 году Вы защитили докторскую диссертацию по социологии об освоении социального пространства повседневности. Каковы основные выводы Вашего исследования?

Текст докторской диссертации был побочным продуктом диссертации кандидатской. Борис Максимович Фирсов, когда познакомился с текстом кандидатской в 1999-ом, сказал, что он слишком теоретичен, и что он не может судить о нем и решил посоветоваться с Вами (это я узнал позже). Вы ответили (со слов БМФ), что работа хорошая, но еще требует дополнительных усилий. Тогда мы с Борисом Максимовичем решили проредить текст, вытирая из него теоретическую часть и оставляя больше прикладного содержания. Так получилась кандидатская. Про докторскую, ясное дело, тогда никто не думал. Но когда Павел Романов запросил у меня текст, который я бы хотел защищать в их совете, я вначале направил ему свою интерпретацию социологии пространства, получившуюся как сборник частей первоначального текста кандидатской. Вот он тогда и сказал, что он пригодится для докторской.

Идея исследования состояла в последовательном и доказательном опровержении расхожей сегодня парадигмы, согласно которой при нынешнем развитии средств коммуникации и связи, физическое расстояние между индивидами не играет большой роли и социальное взаимодействие, его интенсивность и объем, не зависят от того, насколько участвующие в нем индивиды удалены друг от друга. Разумеется, сразу же рождается возражение в духе «это же очевидно, тут нечего доказывать», но в профессиональной литературе распространено как раз обратное утверждение. Весь пафос постмодернизма направлен на доказательство «победы над пространством», устранением всех и всяческих границ.

В диссертационном исследовании нужно было показать, что устранение пространства из социального взаимодействия невозможно, хотя бы потому, что человек имеет физически определенное тело. Новаторским был и способ доказательства данного тезиса. Теория пространства в моей интерпретации носила подчеркнуто феноменологический характер, а в качестве доказательства я использовал преимущественно количественные исследования. Это были не только опросы, но и эксперимент, но и в последнем были старательно выбраны именно количественные показатели и результаты. Мне казался важным такой способ доказательства, позволяющий не только продемонстрировать гибкость используемого инструмента, но и показать возможность аккуратной работы с простейшими признаками и цифрами, избегая эвристических процедур.

Одновременно Вы руководите кафедрой социологии и психологии Самарского государственного экономического университета. Когда Вы стали заведующим кафедры? Эта кафедра выпускающая? Какие курсы Вы ведете?

Пока это, пожалуй, одна из тем, о которой мне меньше всего хотелось бы говорить, поскольку мало еще сделано. В этом августе пошел третий год моего заведования. Кафедра выпускающая, но поскольку она в экономическом вузе, здесь она как бы выбивается из общего ряда. Нужны значительные усилия, чтобы донести до потенциальных абитуриентов возможность поступать в СГЭУ и учиться здесь на социолога. Пока довольно легко удалось увеличить объем привлекаемых с рынка НИР, привлечь для чтения лекций руководителей самарских исследовательских компаний, но впереди еще много рубежей.

Прежде всего, мы собираемся открыть магистратуру по социологии. Дело в том, что сегодняшний абитуриент, выбирая вуз, чаще всего собирается продлить свой детство и лишь, когда он выбирает второе образование, он выбирает осознанно и выбирает вуз, часто, уже работая в данной отрасли. Вот для них, для тех, кто знает, что хочет, мы и хотим создать магистратуру. Другая цель – создать реально действующую практику для студентов. Нужно, чтобы в ходе учебной и производственной практики студенты работали над реальными проектами. Для этого нужно найти места таких практик, убедить руководство компаний в пользе от такого сотрудничества. Очень хочется создать какой-то интегральный продукт с коллегами с других кафедр и специальностей.

Я пришел работать в университет потому, что мне это интересно. Когда интерес угаснет, найду себе что-то другое. Пока мне интересно многое, начиная с курса, который я читаю – «Методологию социологических исследований». Хочется создать курс по методам не только для студентов, но для практических исследователей.

Вы имеете в виду методологию прикладных исследований? Если нет, то в чем отличие «методологии социологических исследований» от «методологии социологии»?

Методология социологических исследований – это наука о способах сбора данных и, отчасти, их анализе. И в этом смысле, это – наука, т.е. относительно целостная система терминологии, норм и процедур. Методология социологии – это, скорее, набор – где-то целостный, где-то – фрагментарный – в общем философских воззрений на предмет и объект социологического исследования. И в этом смысле, методология социологии представляет собой часть теории.

Хотя, возможно, Вы и правы. Надо расширить спектр теорий и идей в моем курсе...

Два вопроса как к заведующему кафедрой. Сколько на Вашей кафедре преподавателей и сколько из них с базовым социологическим образованием и научными степенями (не обязательно по социологии)? Существует ли сейчас проблема обеспеченности студентов учебниками по основным социологическим курсам?

Постоянно работающих чуть более десяти. Но я стараюсь привлекать практикующих исследователей – социологов, маркетологов, психологов, политологов – сейчас их трое. Нужно, чтобы студенты знали реальное поле исследований. С базовым социологическим образованием – один человек, этой осенью она должна защитить докторскую диссертацию по социологии молодежи. Еще два человека – доктора философских наук, двое – педагогических. Есть кандидат медицинских наук и это сделано тоже под конкретную задачу развития социологии медицины. Без степени на кафедре два человека, один из них лаборант.

Что касается учебников, то это остается серьезной проблемой. Если взять методологию, то наиболее распространенным учебником является учебник Кравченко. Эта книжка из разряда тех, которые читать интересно, но вспомнить, о чем она, невозможно на следующую секунду после ее закрытия. Я включил в список обязательных Малхотру и Батыгина: первую как традиционный подход к исследовательским методам, вторую – как новаторскую и освежающую нашу занудную логику программ и инструмента.

Но я думаю, учебники в виде книжек – вчерашний день, это не значит, что их нужно выбросить, это значит, что их недостаточно. Успех Coursera и других онлайн-курсов показывают нам дальнейший путь. Нужно записывать свои лекции и выкладывать их в Сеть, делать доступными везде и в любой момент. Конкурентное преимущество у нас есть – мы проводим реальные исследования в условиях рынка и можем продемонстрировать все их элементы от формулирования проблемной ситуации до презентации. Пока мы формируем сценарий такого курса, надеемся в этом учебном году начать запись лекций и семинаров.

Возвращаясь к деятельности Вашего Фонда, я хотел бы узнать, насколько Вы вовлечены в изучение рынка. Если эти исследования составляют значительную часть работы Фонда, то, пожалуйста, расскажите о них.

Глубоко вовлечены. Маркетинговые исследования – это же не только изучение рынка йогуртов или сотовой связи, но и часто возможность увидеть новые формы социального поведения. Для примера возьмем выигранный нами грант «Новые российские пригороды». Он посвящен изучению образа жизни крупных пригородов очень больших российских городов. Не элитных поселков на несколько сотен или тысяч человек, а целых микрорайонов на несколько десятков тысяч. Два таких района возникли в Самаре: Крутые Ключи – на 50 тысяч и Южный Город – на 35 тысяч. Еще мы нашли аналогичные пригороды в Кемерово и Ростове. Для нашей страны это необычные формы городской жизни (в Питере пока только планируется район на 200 тысяч). Как там живут люди, где работают, как отдыхают, кто они, как устраивают свою жизнь – вот

цели нашего исследования. Откуда взялась его идея? — Из длительных исследований сферы недвижимости Самары и других городов, понимания того, кто и с какой целью покупает недвижимость.

Сегодня доля маркетинговых проектов полного цикла у Фонда — более 60%. Здесь мы шли вслед за российским рынком. Сначала это были продукты питания, затем — банки и финансовые компании. После 2000 года пошли в рост рынки телекоммуникаций, автомобильный, недвижимости. Все эти годы рос рынок медицинских товаров и услуг. Нечастый, но устойчивый спрос мы чувствуем на корпоративные исследования, прежде всего, изучение персонала, его мотивацию.